

Проблемы будущей Россіи

Организація культуры.

Преувеличенныя надежды и мрачныя предчувствія связываются съ завтрашнимъ днемъ русской культуры. Переоцѣниваются и разрушительныя силы революціи и ея творческія силы. Революція — половодье, смывающее культурныя насажденія и постройки: но половодье оплодотворяетъ — въ Египтѣ — иломъ и влагой засохшую землю. Революція — водопадъ, на динамической энергіи котораго спекулируютъ мечтатели: но забываютъ, что это не постоянная энергія Ніагары, а краткая бурливость потока, который завтра оставить послѣ себя стоячія болота и мелкія воды заливныхъ займищъ. Послѣреволюціонная Россія — богатая почва, жаждущая сѣмени, но бѣдная естественными источниками энергіи.

Мы говоримъ, конечно, лишь объ энергіи духовной культуры. Только здѣсь можетъ итти рѣчь объ обмелѣніи. Для хозяйственниковъ и техниковъ силы найдутся. Найдутся онѣ, можно вѣрить, и для чисто духовнаго (внѣкультурнаго) творчества, обладающаго способностью постояннаго самовоспроизведенія. Но тема духовной культуры ставитъ особыя проблемы — для Россіи всегда мучительныя. Какъ духовная культура, она движется приливами подземныхъ водъ, лишь отчасти и рѣдко связанныхъ съ надземнымъ неистовствомъ стихій. Какъ культура, она всегда хозяйство: строй, ладъ, согласіе — надъ хаосомъ и стихіей. Она всегда аполлинична, хотя бы все подлинно цѣнное въ ней притекало изъ откровеній ночныхъ мистерій. Пьяный богомъ дикарь не творитъ культуры: онъ убиваетъ бога и ѣстъ его плоть. Для культуры существенны: творческая аскеза, учительство, преданіе, іерархія. Учительство и ученичество возможны лишь при различіи уровней и уваженіи къ нему. Дѣйствительно осуществленное — или мнимо утверждаемое — духовное равенство дѣлаетъ

невозможнымъ движеніе: движеніе водъ зависитъ отъ разницы уровнейъ.

Русская интеллигенція считала чѣмъ-то ненормальнымъ строительство новой русской культуры, которое начиналось съ Академіи Наукъ и черезъ полтора вѣка пришло къ народной школѣ. Но другого пути не бываетъ. Западъ тоже начиналъ съ академій, только академія его создавались еще при Карлѣ Великомъ. Большевизмъ сознательно поставилъ своей задачей нивелирование культуры, и въ этомъ преуспѣлъ, какъ ни въ чемъ. Подъемъ народныхъ массъ сопровождался закрытіемъ для нихъ источниковъ высшей культуры. Въ мірѣ еще не было опыта подобнаго обезглавливанія цѣлой націи.

Это ставитъ передъ русскимъ національнымъ возрожденіемъ совершенно особую задачу, обозначаемую нами, какъ организація культуры. Сама постановка этой задачи требуетъ оправданія.

Если подъ культурой понимать высшія формы духовной дѣятельности націи, то а priori можно оспаривать законность такой темы. Слишкомъ много развелось нынче охотниковъ организовывать культуру. Большевики, вѣдь, ничѣмъ инымъ не занимаются, какъ организаціей пролетарской культуры. Какая, собственно, разница между организаціей культуры и ея удушеніемъ?

Культура, какъ высшая форма творчества, прежде всего нуждается въ свободѣ. Единство національной культуры складывается изъ бессознательно ориентированнаго потока индивидуальных энергій, въ которомъ каждое противорѣчіе имѣетъ свою цѣнность. Если организація означаетъ планомѣрность, или хотя бы воспитаніе, то по отношенію къ высшимъ формамъ творчества хочется сказать: поменьше воспитанія!

Какъ въ сферѣ хозяйства, такъ и въ сферѣ культуры ликвидация коммунизма есть прежде всего освобожденіе.

И однако проблема организаціи существуетъ. Ея необходимость вытекаетъ изъ двухъ основныхъ и трагическихъ фактовъ большевистской диктатуры: 1) уничтоженія стараго образованнаго класса въ Россіи и 2) искусственной выгонки цѣлаго поколѣнія въ марксистскомъ парникѣ. Организація русской культуры означаетъ поэтому: 1) воссозданіе культурнаго слоя и 2) выпрямленіе духовнаго вывиха цѣлой націи.

Конечно, объ уничтоженіи интеллигенціи можно гово-

рять лишь съ большой осторожностью. Что характерно для революціи, такъ это экстенсификація культуры, приобщеніе къ ней массъ «отъ станка и отъ сохи». Такая буйная демократизація сама по себѣ несетъ опасность: рѣзкаго сниженія уровня, измельчанія духовныхъ водъ. Эта опасность удешевляется сознательнымъ и планомѣрнымъ истребленіемъ дворянства и буржуазіи, которыя были естественнымъ резервуаромъ пополненія интеллигенціи. Старые кадры рѣдѣютъ, на смѣну имъ приходитъ новый типъ: практически ориентированный варваръ-специалистъ, относящійся съ презрѣніемъ къ высшимъ культурнымъ благамъ.

Не одна цензура повинна въ оскуднѣніи русской научной литературы, но и отсутствіе читателя, дѣлающее невозможнымъ серьезное издательское дѣло.

Въ Россіи образовался тонкій слой, созданный Нэпомъ, который имѣетъ матеріальныя возможности поддерживать высшія формы культуры: обучается въ университетѣ «бездѣльнымъ» наукамъ, покупаетъ книги по искусству, составляетъ публику концертныхъ залъ. Личныя вкусы влекутъ его по преимуществу къ западнымъ (или восточнымъ) космополитическимъ блюдамъ. Переводный романъ его любимое чтеніе. Духовно, онъ является воплощеніемъ скептицизма, безразборчиво гутурирующаго все экзотическое, но естественно отталкиваемого цѣльной, органической силой вѣры. Для русскаго духовнаго возрожденія этотъ духовный типъ таитъ большія опасности. До сформированія почвенной русской буржуазіи, этотъ классъ могъ бы оказаться единственнымъ носителемъ высшей культуры. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ опредѣлить русскій либерализмъ и русское западничество. Уже сейчасъ онъ явился питательной средой для развитія самой значительной въ Россіи литературно-критической школы формалистовъ. Другими словами, столь существенная для національнаго возрожденія отрасль культуры, какъ изученіе національной словесности, можетъ быть потеряна для русскаго дѣла.

Кажется, ликвидація Нэпа ликвидируетъ и этотъ поверхностный культурный слой. При всей его духовной безсодержательности, онъ могъ вынести на себѣ продукцію тѣхъ тонкихъ и сложныхъ формъ, безъ которыхъ немислимо духовное народное хозяйство. Съ его отмираніемъ

ничета становится вопиющей; впрочем, исчезновение его может быть только временным.

Что сулит все это для русского будущего? Предоставленная самой себѣ, Россія — «новая Америка» — может обернуться безбрежнымъ Пошхоньемъ, раскинувшимся на одну шестую часть свѣта, съ островками богемишской культуры берлинскихъ и парижскихъ кафе.

Есть сила въ Россіи — и сила огромная, — отъ которой можно, казалось бы, ожидать почина въ организаціи культуры. Эта сила — православная церковь. Она объединяетъ теперь въ своей оградѣ высококвалифицированное культурное меньшинство, жаждущее творческаго выраженія православія. Однако, мы не думаемъ, чтобы русская церковь уже въ ближайшіе годы могла поднять на себѣ всю русскую культуру. Для этого у нея, прежде всего, мало и матеріальныхъ возможностей. Но гораздо важнѣе то, что въ процессѣ русскаго религіознаго возрожденія вопросы духовной жизни занимаютъ и будутъ занимать первенствующее мѣсто, сравнительно съ периферическими вопросами религіозно-культурнаго творчества. Радикализмъ возвращающейся въ церковь интеллигенціи — новая фаза стараго русскаго радикализма — въ соприкосновеніи съ западническимъ обскурантизмомъ старой церковности — создаютъ неблагоприятныя условія для православнаго творчества. Революціонная эпоха рѣзко обрываетъ русскій православный ренессансъ пачала 20 вѣка. Лишь слѣдующее церковное поколѣніе, свободное отъ революціоннаго шока, сможетъ найти въ себѣ душевное спокойствіе, вкусъ и досугъ для культурной работы.

Остается государство, на которое вторично, какъ въ 18 вѣкѣ, выпадаетъ задача возсозданія русскаго культурнаго слоя. Конечно, и государство не можетъ итти въ разрѣзъ съ общимъ потокомъ народной жизни. Оно получаетъ въ наслѣдство отъ большевизма двѣ задачи: удовлетвореніе разбуженнаго культурнаго голода народныхъ массъ и организацію технической культуры, столь необходимой для возстановленія національнаго хозяйства. Мы не останавливаемся на этихъ задачахъ, потому что онѣ самоочевидны. Онѣ будутъ выполняться «самотекомъ», не требуя особыхъ творческихъ усилій. Для многихъ ими и исчерпывается русская по-революціонная культура. Такой, думается, будетъ внѣшній показной фасъ Россіи: Россіи официальной, Россіи демократической, Россіи-Америки.

И однако государство обязано взять на себя и третью задачу — ибо кромѣ него взять ея не кому — сохраненія высшихъ формъ національной культуры. Трудность заключается въ томъ, что здѣсь придется преодолѣть немалое сопротивленіе со стороны низовъ. Для русскаго крестьянина, даже для рабочаго непонятна цѣнность Эрмитажа, государственныхъ театровъ... Въ голодные годы продажа картинныхъ галлерей была очень популярнымъ низовымъ лозунгомъ. Будущее государство русское должно будетъ поставить передъ культурнымъ народничествомъ великодержавное призваніе Россіи, имѣющее свое единственное оправданіе, какъ и всякое великодержавіе, во вселенскомъ значеніи русской культуры.

Первая задача организациі по-революціонной культуры — воссозданіе культурнаго слоя въ Россіи — разрѣшима лишь черезъ школу. Но общая народная школа, открытая революціей для низовъ, долго еще не сможетъ подняться надъ уровнемъ рабочаго техникума. Для обезпеченія непрерывной работы въ области духовной культуры необходимо воссозданіе разрушенной системы гуманитарнаго воспитанія и гуманитарныхъ наукъ. Въ университетѣ это означаетъ возстановленіе историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, въ строѣ народнаго образованія — гуманитарной классической школы. Классическая школа была непопулярна въ Россіи, и ея широкое воскрешеніе будетъ непонятно, да и не нужно для демократіи. Болѣе того, оно будетъ вредно, какъ вредна была толстовская школа, профанировавшая утонченную культуру гуманизма. Классическая школа въ Россіи, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, должна быть школой элиты, разсадникомъ культурнаго меньшинства, которымъ творится національная, зиждущаяся на исторической традиціи культура.

Эта элита не можетъ быть уже ни сословной, ни классово-цензовой. Единственнымъ исходомъ было бы созданіе привилегированной (въ смыслѣ академическомъ), обезпеченной государственными стипендіями классической школы для избранныхъ, лучшихъ учителей народныхъ школъ. Черезъ нихъ интеллектуальный отборъ демократіи, съ замѣтной прослойкой старой и служилой интеллигенціи, явился бы питомникомъ университета. Такихъ школъ Россія можетъ создать очень немного, на первыхъ порахъ, можетъ быть, всего двѣ: по одной въ Москвѣ и

Петербургъ. Иначе неизбежно сниженіе качества, раствореніе въ пошехонскомъ морѣ.

Наша задача сейчасъ создать небольшой, но мощный, прекрасно вооруженный штабъ для завоеванія Пошехонья. Разжигить, обезкровить первый призывъ — значитъ подорвать его творческую активность, — въ конечномъ счетѣ, и его педагогическое вліяніе. Въ первыхъ школахъ воспитываются не народные учителя, а учителя учителей. Лишь второе или третье поколѣнія донесутъ плоды новой гуманитарной школы до деревенскихъ избъ.

Много споровъ вызоветъ характеръ этой новой гуманитарной школы. Здѣсь столкнутся всѣ теченія, раздѣляющія нынѣ русское національное сознаніе. Вопросъ о направленіи школы непосредственно отражаетъ всю проблематику русской исторіософіи. Въ спорѣ остается національная традиція: въ исторіи, литературѣ, искусствѣ. Спорной—ся вселенская ориентированность: греческая, латинская или восточная. По нашему глубокому убѣжденію, греческая школа является единственно вѣрной русской идеѣ. Наше христіанство, наше средневѣковье отвѣтвляется отъ греческаго ствола, какъ католическій міръ отъ Рима. Платонъ живетъ въ русской философской мысли, доселѣ опредѣляя ее, а пріоткрывшаяся намъ глубина до-сократовской Греціи волнуетъ созвучіемъ древне-славянской душѣ. Живой, неотвлеченной можетъ быть въ Россіи лишь школа, построенная на Эсхилѣ и Платонѣ, съ просвѣтами въ Византію и классиковъ христіанской патристики. Латинскій міръ не исключается совершенно, но получаетъ приличествующее ему вторичное значеніе. Проблемы Востока, столь важныя въ грядущихъ судьбахъ Россіи, находятъ свое освѣщеніе на урокахъ землевѣдѣнія и исторіи, но проектъ евразійцевъ извратить русскую идею путемъ ориентализаціи школы долженъ быть отвергнутъ.

Общая народная школа сохранить сообщенный ей революціей реально-технической характеръ, съ замѣной идеологическихъ элементовъ матеріализма и марксизма основами національнаго воспитанія. Ихъ сочетаніе съ реальной программой представляетъ новое заданіе для русской педагогической мысли, доселѣ строившей національное воспитаніе лишь на гуманитарной основѣ. Вопросъ о релігіозномъ воспитаніи гораздо сложнѣе. Безспорно, школа должна предоставить для него возможности, но сама еще не можетъ быть на немъ построена. Этому препятствуетъ.

какъ отсутствіе религіозно мыслящаго учительства, такъ и глубокой религіозный кризисъ народнаго сознанія.

Гуманитарная средняя школа питаетъ гуманитарные факультеты. Университетъ системой экзаменовъ замыкается отъ захлестывающаго варварства, системой стипендій (положительная сторона совѣтскаго Вуза) обезпечиваетъ притокъ въ высшую школу изъ демократическихъ слоевъ и остатковъ старой интеллигенціи.

Отъ университетскихъ кадровъ къ организаціи преподаванія: здѣсь возникаетъ въ новой постановкѣ національный вопросъ. Чрезвычайно великъ соблазнъ использовать университетъ для націонализаціи культуры. Большевики принципиально отрицаютъ за высшей школой значеніе лабораторіи чистаго знанія, оставляя за ней лишь педагогическія и соціально-техническія функціи. Фактически, путемъ пониженія уровня, имъ удалось въ значительной мѣрѣ изгнать науку изъ университета. Необходимость широкой чистки личнаго состава въ оставшемся послѣ большевиковъ хозяйствѣ сама по себѣ можетъ соблазнить къ заполненію кафедръ стопроцентными патриотами. Современная доктрина: «Наука дѣлается въ Главнаукѣ, а Вузы лишь популяризируютъ ее», можетъ найти очень много послѣдователей въ національной Россіи. Послѣвоенное поколѣніе не понимаетъ смысла культуры, и политическая благонадежность можетъ очень легко замѣнить ученая степени. Отсюда угроза наукѣ, какъ служенію истинѣ, угроза культурѣ, какъ сложному многоединству.

Противъ этой опасности должна возвыситься голосъ вся культурная элита страны. Политическія разногласія не должны мѣшать образованію единаго культурнаго фронта. Ясно, что въ политической борьбѣ, въ эпоху переворотовъ, фельдфебель въ университетѣ, то черный, то красный, но всегда по существу тотъ же самый, не шадитъ ничего. Но и никакія юридическія, никакія конституціонныя гарантіи не спасутъ отъ него, если не будетъ создано независимаго голоса «элиты». Свободная наука можетъ попирается и диктатурой и демократіей, можетъ попирается и самими учеными подъ флагомъ автономіи. Только культура можетъ спасти культуру. Только реакція стыда и негодованія можетъ помѣшать власти заполнить своими креатурами всѣ отвѣтственные посты въ организаціи національной культуры.

Разумѣется, идея національной культуры требуетъ учре-

ждения и государственной оплаты определенных кафедр, может быть, и несущественных с точки зрения международной. Но мировая республика ученых существует лишь как федерация национальных организаций, и Россия представляет особый научный мир, недостаточно признанный в старой, на Запад ориентированной России. Установление границ и распорядка этого мира есть задание самой русской науки и не может быть предвосхищено государством.

Слѣдует опредѣленно сказать: государство не призвано къ высшему руководству въ творчествѣ національной культуры — хотя бы потому, что само содержаніе этой культуры не подлежит его вѣдѣнію. Это содержаніе всегда остается не даннымъ, а искомымъ, ибо національная культура не есть завѣщанный предками мертвый капиталъ, а живая творческая сила, создающая новое, еще не бывалое, еще не расцѣненное. Какими критеріями располагаетъ государство для опредѣленія того, что національно, и что относится къ культурѣ? Живая національная идея въ своемъ ростѣ перѣдко впитываетъ въ себя то, что вчера казалось антинациональнымъ. И то, что вчера казалось непробированной культурой, сегодня — въ мусорномъ ящикѣ. Въ высшихъ вопросахъ духа призвано рѣшать лишь избранное меньшинство. Но и оно не обладаетъ непогрѣшимостью, и его *communis opinio* вырабатывается въ процессѣ борьбы и общихъ исканій. Настоящая свобода возможна при условіи уваженія къ этому меньшинству и самоограниченія меньшинства.

Но, оставляя за государствомъ лишь роль техническаго организатора культуры, на кого возложить выполненіе необходимой послѣреволюціонной задачи, которую мы опредѣлили, какъ «выпрямленіе духовнаго вывиха націи»?

Мы стоимъ передъ фактомъ духовнаго искаженія народа, искусственно питаемаго фальсифицированными продуктами или опредѣленными ядами. Предоставить лѣченіе времени? Но это все равно, что предоставить времени воспитаніе безпризорныхъ. «Время» движется, какъ старинный дилижансъ, по сравненію съ темпами нашего вѣка. Историческіе сроки Россіи отмѣрены строго и скупо. Мы не можемъ ждать.

Задача воспитанія — національнаго, культурнаго — народныхъ массъ сама собой падаетъ на плечи русской интеллигенціи, т. е. свободно организованныхъ культурныхъ

силъ націи. Даже большевизмъ, обладающій всею мощью государственнаго аппарата, свой аппаратъ агитаціи создаетъ отдѣльно отъ него — въ партіи, въ «Союзѣ безбожниковъ» и проч. Въ этой полусвободной «совѣтской общественности» заключается огромное преимущество коммунизма, по сравненію съ классической неуклюжестью полицейскаго государства. Но лишь отказъ отъ монополіи культурной работы обезпечиваетъ общественнымъ организаціямъ необходимую имъ внутреннюю свободу.

Должна быть создана «Лига русской культуры», какъ свободный союзъ, поставившій себѣ цѣлью пропаганду русской идеи въ массахъ. Именно «Лига», а не государственная полиція можетъ осуществить ликвидацію духовнаго наслѣдія большевизма. Но борьба съ марксизмомъ, съ привычками классоваго мышленія — является лишь отрицательной ся стороной. Положительныя задачи Лиги — въ изученіи Россіи, историческомъ, художественномъ, этнографическомъ, въ постановкѣ передъ массами русскихъ проблемъ, въ воспитаніи культурной національной традиціи. Эта Лига должна объединить разрозненную дѣятельность разбросанныхъ по всѣмъ уголкамъ Россіи «краевѣдческихъ» обществъ, собрать культурныхъ одиночекъ, еще не расплющенныхъ большевистскимъ молотомъ. Она обезпечитъ провинцію развѣдными лекторскими силами, дешевой народной литературой, поможетъ организаціи народныхъ университетовъ и вообще дѣла внѣшкольнаго образованія. Она поставитъ въ центрѣ изданіе органовъ, объединяющихъ всю эту національную педагогическую работу.

Необходимымъ условіемъ работоспособности Лиги должны быть широкій идеологическій фронтъ ся. Все національно годное для строительства новой Россіи должно найти мѣсто въ ея рядахъ. Это значитъ, что она должна сохранить нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ острымъ политическимъ проблемамъ. Если это не удастся, если различныя теченія русской мысли будутъ пытаться создавать свои самостоятельные аппараты для организаціи русской культуры, то это будетъ означать срывъ гражданскаго мира, столь насущно необходимаго послѣ революціи, и явится съ тѣмъ — для государства — необходимость роковаго выбора между разными схемами національной мысли.

Для государства, говоримъ мы, ибо Лига (или Лиги), въ послѣреволюціонныхъ условіяхъ, можетъ работать

лишь въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ государствомъ и съ матеріальной его помощью. Духовнымъ источникомъ ея долженъ явиться свободный національный подъемъ, вольное горѣніе русской идеи. Но въ разоренной, социальнo обезличенной Россіи, въ этомъ эгалитарномъ царствѣ нищихъ только государство обладаетъ экономической силой, необходимой для всякой крупной организаціи. Возможныя силы частнаго капитала, естественный питомникъ меценатства, на первыхъ порахъ лишены національнаго лица. Вотъ почему (и это одно изъ многихъ основаній) интеллигенція должна отказаться отъ старой брезгливости къ тому, что связано съ государствомъ. Государство есть форма народной воли, русской воли. Служба ему, жалованье его несравненно почетнѣе службы и жалованья капитала, да еще иностраннаго. А вишь государства жадуется лишь капиталъ. Интеллигенція должна вернуться къ традиціи 18 вѣка, чтобы вмѣстѣ съ государствомъ нести почетную службу на фронтѣ народнаго просвѣщенія.

И однако сказанное выше о непригодности государства къ организаціи культуры остается въ силѣ. Такимъ образомъ создается жизненное противорѣчіе: государство, поддерживая матеріально національную работу интеллигенціи, не имѣетъ права вмѣшиваться въ нее по существу. Таково, дѣйствительно, идеальное рѣшеніе, которое требуетъ большого самоограниченія обѣихъ сторонъ: отъ государства — отъ идеологическихъ притязаній, отъ всякой идеократіи, софократіи и прочихъ видовъ лже-теократіи; отъ интеллигенціи — установленія широкаго идейнаго фронта и величайшей осторожности (воздержанія) по отношенію къ чисто политическимъ и социальнымъ задачамъ государства.

«Лига русской культуры» призвана къ выполненію того національнаго дѣла, которое въ странахъ фашистской диктатуры (или въ идеологии евразійства) выпадаетъ на долю партіи или «отбора». Не стать партіей, сохранить должную дистанцію отъ государства, при лояльной вѣрности ему — это значитъ спасти свободу культуры. Дѣло это требуетъ большого такта и жертвъ, къ которымъ мы не причлены исторіей. Переработка всего духовнаго облика интеллигенціи для этого необходима. Если ея не будетъ, Россія будетъ смѣнять одну «идеократію» на другую, проматывая послѣдніе рубли своего культурнаго достоянія.

Если удастся сохранить свободу, то будущее русской

культуры намъ не представляется мрачнымъ. Можно вѣрить въ природную талантливость, въ нерастраченность силъ великаго народа. Революція впервые эти силы актуализируетъ въ небываломъ размѣрѣ. Самая огромность вовлеченныхъ въ культурное движеніе массъ создастъ исключительныя условія качественного отбора. Нужно помнить лишь одно: въ экономіи сегодняшняго дня первоочередной задачей является не дальнѣйшее накопленіе сырого культурнаго матеріала, а воспитаніе меньшинства, способнаго его переработать. Въ организаціи культуры національная задача параллельна задачѣ хозяйственной: тамъ воссозданіе и воспитаніе класса предпринимателей, здѣсь воссозданіе, на новыхъ духовныхъ началахъ, русской интеллигенціи.

Церковь.

О Церкви въ новой Россіи можно говорить въ двухъ планахъ. Разсматривая извнѣ, это частная тема — тема отношенія государства къ православнымъ культовымъ организаціямъ. Взятая изнутри, т. е. по существу, это тема безмѣрная, тема вселенская, въ которой скрыто рѣшеніе и всемірно-историческихъ судьбъ Россіи. Минимализмъ и максимализмъ одинаково умѣстны въ отношеніи къ церковной проблемѣ. И, что особенно значительно, — между обѣими установками нѣтъ зіянія: это единственная сфера реальности, гдѣ малое, земное, человѣческое соединяется съ величайшимъ, небеснымъ и божественнымъ. Поэтому лишь здѣсь дано преодоленіе остраго русскаго противорѣчія: между безкрылой практичностью и утопической беспочвенностью.

а) Государство и церковь.

Еще не закончено трагическое развертываніе революціи. Еще мы не знаемъ, гдѣ остановится ея богоборческая ярость. Будутъ ли закрыты всѣ храмы въ Россіи и уничтоженъ публичный культъ, какъ это намѣчено пятилѣткой «безбожниковъ»? Или экономизмъ большевиковъ возьметъ верхъ надъ ихъ изуверской теологіей и заставитъ ихъ остановиться передъ тѣмъ, передъ чѣмъ не отступили чистые теологи яковинскаго руссоизма.

До сих поръ можно лишь констатировать: 1) Революціи удалось оторвать отъ религіи широкія массы, воспитавъ религіозный индифферентизмъ въ большинствѣ и выковавъ активное богоборчество въ ничтожномъ численно, но весьма энергичномъ меньшинствѣ. 2) Революціи не удалось уничтожить православной церкви, которая въ гоненіяхъ проявила большую духовную силу и способность къ творческому возрожденію. 3) Революціи удалось расколоть православную церковь на нѣсколько -- около десятка -- организацій, при наличіи многомилліоннаго и растущаго сектантскаго движенія въ народныхъ низахъ. Этого достаточно, чтобы сдѣлать невозможной -- разумно и серьезно -- въ послѣреволюціонной Россіи государственную церковь. Лишь политическая реставрація могла бы произвести этотъ экспериментъ, одинаково роковой и для церкви и для государства. Внутренній религіозный опытъ, выстраданный русской церковью, заставляетъ ее дорожить свободой отъ государства. Этотъ принципъ, еще недавно бывший лишь доктриной либеральной богословской школы, теперь завоевалъ признаніе въ мистическомъ сердцѣ церковности. Еще на периферіи, и при томъ либеральной периферіи (парадоксъ исторіи) сказываются соблазны огосударствленія церкви: ея перекраска въ защитные революціонные цвѣта. Но путь патрiарха Тихона -- т. е. основное русло православной церковности -- пролегаетъ по срединѣ между старовѣріемъ православнаго самодержавія и обновленчески-сергіанскимъ оппортунизмомъ революціонной синодальности. Нѣтъ сомнѣнія, что прекращеніе религіознаго террора и связанныхъ съ нимъ искушеній (банька 40 мучениковъ), будетъ означать побѣду «аполитической» церкви.

Передъ этой церковью открывается эпоха трудовъ и подвиговъ. Медленное завоеваніе народныхъ массъ потребуетъ серьезной научной культуры и совершенной перестройки пастырскаго миссіонерскаго аппарата. Раскаленные до-бѣла мистическія энергіи ждуть новыхъ формъ церковно-соціального служенія: новыхъ братскихъ и орденскихъ организацій соціального монашества. Наконецъ, изживаніе расколовъ возможно лишь въ опытѣ истинной соборности, предполагающей большую широту духовныхъ теченій, поскольку они не разрушаютъ единства церкви и ея православнаго исповѣданія. Мистики и раціоналисты, реакціонеры-романтики и либералы-модернисты

могутъ и должны вести свою борьбу на паперти общаго храма. Только литургическое общеніе спасетъ отъ образованія новыхъ, какъ мистическихъ, такъ и рационалистическихъ сектъ, слагающихся уже на основѣ богословской культуры и потому болѣе опасныхъ для церковнаго единства. Безъ государственнаго принужденія, привычнаго вѣ теченіе вѣковъ, и безъ монархическаго папизма, строеніе церковнаго единства представляетъ постоянную и трудную задачу, настоящій подвигъ соборности, къ которому призвано нынѣ русское православіе.

Отъ поваго государства церковь въ правѣ ждаты лишь признанія ея свободы. Значить ли это, что ихъ отношенія выльются непременно въ классическую форму «отдѣленія церкви отъ государства»? Эта формула можетъ покрывать самое разнообразное содержаніе: отъ скрытаго или открытаго гоненія на церковь (Франція, СССР) до тѣснаго сотрудничества (Америка). Въ Россіи нѣтъ политической почвы для антиклерикализма. Православіе уже доказало, вопреки 1600-лѣтней традиціи, свою способность примиряться со всевозможными формами власти. Съ другой стороны, всякая власть, дорожащая національной культурой, не можетъ отталкивать церковь — въ Россіи хранительницу самыхъ чистыхъ и глубокихъ національныхъ традицій. Отсюда основанія надѣяться, что свобода церкви въ грядущей Россіи не будетъ свободой изгоевъ и изгнанниковъ. Государство имѣетъ возможность, не измѣняя своей религіозной нейтральности, оказывать церкви серьезную поддержку: путемъ обезпеченія религіознаго (факультативнаго) преподаванія въ школахъ — для всѣхъ исповѣданій, — путемъ матеріальныхъ затратъ на содержаніе храмовъ, признанныхъ исторической и художественной цѣнностью, безъ профанирующаго обращенія ихъ въ музеи. Отъ дальнѣйшаго на первыхъ порахъ лучше отказаться: субсидіи обязываютъ и связываютъ. Церковь, политически лояльная по отношенію къ государству, должна сохранить передъ нимъ независимость своего нравственнаго суда.

Здѣсь открываются пути для медленнаго, молекулярнаго срастанія православной церкви съ тканью поваго демократическаго общества. Священники - кооператоры и дѣятели профессиональнаго движенія, епископы-ученые заполняютъ ровъ между церковью и міромъ. Россія приучится видѣть въ рядахъ церкви лучшіе кадры своей интелли-

генции. И церковь благословитъ народъ трудящихся и его власть, какъ благославляетъ она всякую плоть человеческую, и всякую душу, не противящуюся Христу. Ея высшимъ удовлетвореніемъ будетъ видѣть своихъ сыновъ правителями Россіи, мужественно исповѣдующими свою личную вѣру, задолго до того, какъ крестъ осѣнитъ Россію, и куполь Церкви покроетъ ея культуру.

б) Церковь и Россія.

Россія безъ креста, Россія — географическое мѣсто борьбы религій и сектъ, — ни одинъ православный человекъ не примирится съ этимъ. То, что кажется нормальнымъ въ самой ненормальной изъ цивилизацій — вавилонское смѣшеніе языковъ — для насъ нестерпимое уродство, тяжелый недугъ вырожденія. Мы жаждемъ цѣлостнаго единства жизни и творчества. Намъ мучитъ мечта о всенародномъ дѣйствіи, о внѣхрамовой литургіи, которая творится царственнымъ священствомъ христіанской націи. Мы видимъ ангела русской церкви въ разодранныхъ ризахъ, безутѣшнаго о погибшей красотѣ, и спасеніе остатковъ не примиритъ насъ съ отсутствіемъ избраннаго народа.

Послѣреволюціонная Россія — отяжелѣвшая, грубая, вся въ алчности земнаго хлѣба и въ гордости земнаго могущества — Россія тракторовъ и пушекъ не можетъ быть страной великой культуры. Сейчасъ бессмысленны мечты о перевалѣ за исполинскій хребетъ 19 вѣка. Русскій 19 вѣкъ надолго останется непревзойденной вершиной нашего классицизма. Толстой, Достоевскій, даже Пушкинъ были голосомъ христіанскаго тысячелѣтія. За ихъ личной гениальностью стоятъ углубленный и просвѣтленный христіанствомъ гениіи народа. Такъ ощутима крестьянская (=христіанская!) деревня за графомъ-мужикомъ Толстымъ и монастырь за грѣшнымъ Достоевскимъ. Не въ занятіи сельско-хозяйственнымъ трудомъ и не въ близости къ землѣ-природѣ смыслъ народничества, какъ религіозной категоріи. Смыслъ его въ народномъ массивѣ, хранящемъ память о древней правдѣ и красотѣ. Европа этотъ массивъ давно разрушила, и крестьянинъ обернулся въ ней «аграріемъ». Въ Россіи онъ разрушенъ съ революціей. Теперь у насъ нѣтъ «народа», какъ нѣтъ интеллигенціи. Остались «хлѣборобы», «работники земли и лѣса», забывшіе все на-чисто, *tabula rasa* для сельско-хозяйственной ариѳметики.

Гдѣ, откуда на этой убогой землѣ подняться національному гению? Не замѣнить его и изощренность мастерства, искусственность культурной традиции, чѣмъ живетъ Западъ: Россія порвала все традиции, кромѣ традиции презрѣнія къ мастерству.

Въ Россіи есть лишь одинъ центръ для духовнаго собиранія народа. Есть сердце Россіи, и пока оно не перестало биться, нельзя говорить о смерти націи. Въ Церкви, сжавшейся, сдавленной въ темной, подземной темницѣ, сохранились огромныя, еще небывалыя духовныя силы. Онѣ ждутъ своей актуализаціи. Придетъ пора, когда эта актуализація предстанетъ для нихъ не въ личномъ подвижничествѣ, а во всенародномъ служеніи. Это будетъ началомъ воскресенія Россіи.

Потеря «христіанскаго народа» имѣетъ и свое положительное значеніе. Благочестивая старушка перестаетъ быть идеальной представительницей православнаго мірянства. Въместѣ съ ней отпадаетъ и безхитростная установка на темноту. Христіанство снова становится — какъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, какъ въ Византіи и въ Римѣ — религіей духовной аристократіи. Творящіе культуру слои освѣщаютъ ее въ купели мистерій, и оттуда воды ея текутъ до самой глубины народной жизни. Возстаетъ истинная іерархія духовнаго творчества націи. Въместѣ съ прекращеніемъ рокового разрыва между «духовной жизнью» и «духовной культурой» создаются предпосылки для оцерковленія культуры.

Оцерковленіе культуры -- эта наша христіанская утопія, которую мы противопоставляемъ всевозможнымъ утопіямъ современности. Все остальные утопіи реализуются въ ней.

Оцерковленіе для насъ -- не подчиненіе вѣншизму авторитету Церкви. Оно есть осуществленіе религіозно-культурнаго единства, при которомъ Церковь не противостоятъ культурѣ, но творитъ ее въ своихъ нѣдрахъ. Это понятіе не отрицательно-ограничивающее, но творчески-положительное. Его предпосылкой является не только признаніе міромъ религіозной правды Церкви, но и пробужденіе въ Церкви творчески-культурныхъ силъ. Въ этой утопіи находятъ свое утоленіе и тоска художника по единому монументальному стилю, немислимомъ внѣ религіозной цѣльности, и тоска ученаго по синтезу разсыпавшейся груды наукообразныхъ конструкций. Лишь въ этой утопіи

вавилонская башня культуры становится храмомъ, оправдывающимъ свое священное имя (Вав-ЕИ). Куполь святой Софїи, какъ земное небо, спускается на исполинскіе столпы вселенскаго храма. А вокругъ храма уже видны очертанія новаго града — христіанской общественности.

Два недуга, которыми больно человѣчество — иные думаютъ, смертельно — ненависть классовъ и ненависть націй — принципиально разрѣшимы лишь на почвѣ христіанства. Не капитализмъ, т. е. анархія личнаго произвола, и не коммунизмъ, т. е. деспотія общества, а искомое и трудно опредѣлимое равновѣсіе личныхъ и коллективныхъ хозяйственныхъ воль. Кто же будетъ арбитромъ между личностью и государствомъ? Нельзя сомнѣваться, что однимъ изъ существенныхъ факторовъ рѣшенія социальнаго вопроса является психологическая установка — на личность и общество одновременно. Но лишь въ христіанствѣ возможно парадоксальное равенство: часть = цѣлому. И лишь въ православїи — о, конечно, въ возможности — даны предпосылки соборной общественности. Достоевскій былъ правъ, говоря, что Церковь — это нашъ русскій социализмъ, — правъ, въ смыслѣ предвидѣнія грядущаго. Тщетно многие обращаются къ современной Россїи за рѣшеніемъ социальной проблемы: для этого въ ней отсутствуютъ и матеріальныя и моральныя предпосылки. Но невозможное сегодня отодвигается въ будущее. Изъ обломковъ коммунистической и капиталистической стройки медленно воздвигнутся стѣны христіанскаго града.

Современное язычество съ его самодовлѣніемъ національныхъ культуръ дѣлаетъ невозможнымъ сожителство и сотрудничество народовъ. Война въ христіанствѣ — по крайней мѣрѣ, война между христіанскими народами — всегда остается дѣломъ грѣшнымъ и постыднымъ. Въ нашу историческую эпоху — на другой день послѣ міровой войны — раздался явственно голосъ христіанскихъ церквей о давно утраченномъ единствѣ. Но католичество, въ самомъ имени своемъ несущее обѣтованіе единства, не можетъ осуществить единства въ свободѣ. Православіе окрывается и здѣсь центральнымъ материкомъ христіанскаго міра. Между нимъ и протестантизмомъ уже устанавливается единство, если не вѣры, то любви. Православіе уже не хочетъ уступать протестантизму духовной свободы, но показываетъ ему возможность духовной общественности. Проблема соединенія церквей необычайно трудна, но бли-

женіе церквей, практическое единеніе христіанства становится въ порядокъ дня.

За расколами христіанскаго міра встаетъ во всей своей остротѣ великій споръ между Востокомъ и Западомъ. Востокъ, начавшій на нашихъ глазахъ эпопею своихъ освободительныхъ революцій, скоро вступитъ въ эру завоевательной экспансіи. Россія, его ближайшая сосѣдка, Россія, насыщенная восточными вліяніями, становится призванной посредницей между Азіей и Европой. Она имѣетъ всѣ основанія смотрѣть съ сочувствіемъ на освободительное движеніе великихъ древнихъ народовъ. Она можетъ обильно и безъ вреда для себя черпать въ сокровищницѣ ихъ культуры. Но она не предастъ христіанства и духовнаго первородства эллинизма, которымъ она усыновлена. Если христіанству, освобожденному отъ позорной связи съ колоссальными злодѣяніями бѣлой расы, суждено вырваться изъ роковыхъ границъ греко-римскаго міра, то православіе, конечно, всего ближе міру Востока. Византия такъ много впитала въ себя этого Востока, задолго до вторичной ориентализаціи Московскаго царства. Древняя славянская мечта объ Индіи — мечта русскихъ былинъ и сказокъ — осуществится не въ видѣ новой, третьей по счету Индійской имперіи, а въ видѣ новой индійской Церкви, въ которой воскреснетъ почти угасшее христіанство ап. Фомы. Въ свѣтѣ новаго возрожденія — возрожденія Востока, — не мечтой, а точнымъ историческимъ фактомъ становится центральное положеніе Россіи въ мірѣ. Въ наше время неслыханныхъ историческихъ униженій, предъ лицомъ національнаго отступничества Россіи, снова раздаются голоса о ея христіанскомъ призваніи. Мессіанская идея — ветхозавѣтно-реакціонная — не имѣетъ права на бытіе въ христіанствѣ. Въ православіи особенно раскрывается идея христіанскаго призванія всѣхъ народовъ и ихъ соборнаго единства, исключаящаго подчиненіе: и Риму, и Царьграду, и Москвѣ. Но остается объективная истина особой тяжести служенія, возложеннаго на Россію, и — въ прошломъ — щедрости ея даровъ. Нельзя только забывать объ отступничествѣ Россіи и вытекающей изъ него уtratѣ харизмъ. Лишь черезъ длительное очищеніе, черезъ суровую аскезу смиренія (мессіанство — гордыня) лежитъ путь къ землѣ обѣтованной. Лишь съ этимъ условіемъ чаемая нами утопія перестаетъ быть мечтательной и вредной.

И въ самой смѣлой изъ утопій нельзя забывать объ іерархіи состояній, о годахъ духовнаго роста. Оцерковленіе культуры, къ которому мы стремимся, многіе именуютъ православной теократіей. Въ понятіи теократіи на первый планъ выдвигается идея христіанскаго государства или христіанской власти. И вотъ здѣсь необходимо сказать со всей рѣшительностью и силой: да, государство подлежитъ оцерковленію, но государство есть послѣднее, что подлежитъ ему. Изъ всѣхъ культурныхъ сферъ государство столь тяжело насыщено грѣхомъ, столь несомнѣнно несетъ на себѣ печать основателя-Каина, что реальная христіанизация его встрѣчаетъ наибольшія трудности. Мнимая же или словесно символическая его христіанизация ощущается современной христіанской совѣстью — болѣе чуткой, чѣмъ совѣсть предковъ — какъ невыносимое тицемяріе. Нѣтъ болѣе страшной мысли, чѣмъ та, что Христосъ, распинаемый въ Россіи большевиками, будетъ распинаться въ ней православнымъ царемъ. Дѣло не въ томъ, что христіанская теократія предполагаетъ невозможное состояніе безгрѣшности. Но она во всякомъ случаѣ предполагаетъ такую іерархію цѣнностей, при которой все земное подчиняется Царству Божію. Совершенно ясно, что душа человѣка, его мысль, его творчество, его трудовая жизнь должны прежде получить помазаніе Церкви, — лишь тогда будетъ благословенъ и его мечъ, котораго онъ не можетъ обнажить въ порядкѣ природномъ безъ страсти и злобы.

Но въ планѣ утопій, въ которой нѣтъ счета ни поклѣніямъ ни вѣкамъ, можно мыслить — и должно мыслить — христіанскую Россію, Россію правды и свободы, которая достойна быть увѣнчана православнымъ вѣнцомъ. Не зачѣмъ думать, что этимъ вѣнцомъ можетъ быть лишь царская корона. Если грядущая Россія будетъ страной народовластія, то она найдетъ церковныя формы его освященія. Какъ древній Израиль, какъ православный Новгородъ, Россія можетъ осуществить народную теократію. Всенародность государственнаго служенія раскроетъ себя, какъ выраженіе церковной соборности. Весь народъ будетъ увѣнчанъ и помазанъ въ лицѣ своихъ вождей и судій. Но здѣсь порогъ, у котораго останавливается и самая смѣлая изъ утопій.

Г. Федотовъ.